

Гастроли государственного Академического театра имени Евг. Вахтангова

„Сегодняшняя тема, сегодняшняя боль...“

Актеры и роли

Удивительно интересно говорит об искусстве Михаил Ульянов. Слушать его вдвойне увлекательно потому, что, рассказывая о театре, он, как правило, говорит не только о нем, но и о сложном процессе взаимодействия искусства и жизни. С другой стороны, слова актера позволяют, пусть краешком глаза, заглянуть в его творческую лабораторию, а значит более углубленным, аналитическим зрением всмотреться в главное — сценические работы.

Основное в ульяновских ролях можно объяснить, наверное, одной фразой, звучащей, однако, как творческое кредо. Мы имеем в виду дорогую Ульянову мысль об общественной активности искусства, без которой оно превращается в нечто музейное и вряд ли имеет право на существование, — мысль, вновь повторенную им недавно во время выступления по Свердловскому телевидению. Ее не можешь не поддержать еще потому, что не слишком ли часто, — греха таить нечего! — наше искусство бывает общественно-равнодушным, несмотря на декларируемые со сцены «передовые» взгляды и идеи.

Декларация, не подкрепленная убежденностью, чувством художника, мертва, как мертва и игра в убежденность, не основанная на знании жизни и стремлении участвовать в ее прогрессивном движении.

Ульянов — актер, знающий, что он защищает, за что ратует, против чего протестует на сцене. Главный вопрос для него: для чего, ради чего?.. «Все мои неудачи, — констатирует он, — связаны с тем, что я терял «адрес»... И, наоборот, все удачи связывает с четко угаданной в той или иной работе гражданской темой: что сегодня необходимо людям, о чем с ними надо поговорить...»

«Сегодняшняя тема, сегодняшняя боль» дает главный, самый необходимый толчок при работе над образом. Это и есть тенденциозность в самом высоком смысле слова — партийность искусства, воодушевляемая потребностями времени, переживаемого момента.

Сопоставляя творческие работы М. Ульянова, не можешь не видеть страстности, с которой утверждает он образами своих персонажей наиболее важные, нужные ныне качества советского человека. Действительно, Ульянов прежде

всего — актер утверждения. Он должен любить своих героев до самозабвения, жить их жизнью упоенно и страстно, внося на сцену с каждым своим появлением напряженную атмосферу высококачественного поля больших страстей, пламенных размышлений, крупных поступков.

Его размашисто-дерзкий начдив Гулевой из «Кон-армии» И. Бабеля в постановке Р. Симонова порою немного смешон в своем простодушии. Но какая в нем чистота и огромность веры, какая одержимость революционной идеей, высекающая ответную искру в зрительном зале.

Гулевой жил революцией и умер ради нее. Жизнь для людей — это не красивая фраза. Это принцип существования по-настоящему крупной человеческой личности. Убежденность в этом у Ульянова неизменна, как неизменна в его творчестве тема человека, «спорающего ради других». Таков один из любимых сыгранных им киногероев — председатель колхоза Трубников (фильм «Председатель»). «Все зависит от того, сколько будет таких людей, которые готовы спорить не ради себя, а ради других. Сколько будет таких Трубниковых!» — горячо утверждает актер.

А они, Трубниковы, неистребимы. Их найдешь в колхозе и на заводе. И разве не вариация той же ведущей ульяновской темы — директор завода Друянов из спектакля вахтанговцев «День-деньской» с его огромным чувством личной ответственности за дело, со смелостью человека, ощущающего эту ответственность как жизненный принцип, как отправную точку социалистической деловитости, базирующейся на неукоснительном соблюдении интересов народа и государства.

«Мне кажется, что сейчас это очень важно... Так может сказать о своих ролях лишь актер, постоянно думающий о современной жизни, актер напряженной сегодняшней мысли. Такую мысль вместе с постановщиком спектакля Евг. Симоновым увидел Ульянов и в одном из сложнейших созданий шекспировского гения — «Антонии и Клеопатре». Со свойственным ему темпераментом и напором бросается Ульянов в этом спектакле на защиту любви — прекрасного человеческого чувства, а мир чувств, как он считает, заметно девальвирован, увя, нашим не в меру рассудочным веком.

Но у Шекспира вряд ли возможно выделить какую-то «узкую» тему. Вернее, Шекспир не будет Шекспиром, если «частная» тема не будет прочтена в русле конфликта широкого, философского, который в сущности занимает драматурга во всех его лучших пьесах: как жить, как относиться ко злу мира? Сейчас мы назвали бы эту тему, наверное: личность и общество.

Вот почему «Гамлета», скажем, сформулировавшего эти мысли в классическом виде, давшего миру бессмертную их квинтэссенцию, невозможно сыграть в бытовой, приземленной манере. Все персонажи этой трагедии философичны. А признаем

честно, сколько мы видели, скажем, Полониев — таких «узнаваемых», самодовольных, брызжащих старцев, любящих поучать молодежь. В «Гамлете», поставленном Н. Охлопковым на сцене Московского театра имени Вл. Маяковского, Полония сыграл Л. Свердлов, и это была поистине выдающаяся работа: в спектакле схлестнулись на равных две философии, две точки зрения на смысл существования человека на земле. Гамлет восстал против мерзости этого мира, Полоний приспособлялся к ним, даже извлекал из них выгоду.

Вероятно, самобытность и сила прочтения образа Антония в «Антонии и Клеопатре» определяются у Ульянова не частными «попаданиями» в злободневную мысль и даже не темой борьбы между чувством и жаждой власти, составляющей событийное содержание трагедии, а выходом на более глубокие горизонты творческих размышлений, выяснением вопроса о главных ценностях человеческой жизни, о сущности счастья, которого не дают да и не могут дать ни блеск мимолетной славы, ни обладание тронном, чинами, деньгами. Выбрав в проводники чувство, обесцененное в царстве расчета и трезвости, Антоний Ульянова, сам того не желая, бросил вызов общепринятому порядку вещей и... безжалостно сокрушил этим миром, требующим от человека лжи, беспринципности и жестокости. Шекспировская трагедия звучит у вахтанговцев как трагедия гибели сильной и яркой личности, осмелившейся нарушить существующий порядок вещей.

И все же он прав, этот увлекший нас, неистовый, красивый даже в своем поражении Антоний!

Собственно, и во всех «вершинных» работах М. Ульянова частные проявления борьбы добра и зла, сил общественного прогресса и косности поднимались до столкновений философски-значительных, а герои его, каждый по-своему, бьются над разрешением коренных, самых острых и важных вопросов.

Через материал частных проблем — к постановке проблем широких и сложных — такова логика творчества М. Ульянова. И в понимании этого еще одна особенность и объяснение емкости его искусства, неизменно волнующего зрительские сердца. Еще одна сторона большой творческой личности, которую трудно обрисовать в небольшой газетной статье. Тут есть лишь возможность назвать то существенное, что представляется вообще поучительным для искусства, где бы ни творилось оно — в столицах или в небольших городах. Опыт М. Ульянова — очень нужный опыт сегодня. Вот о чем думаешь, вспоминая его работы.

Ю. МАТАФОНОВА

На снимке: народный артист СССР М. УЛЬЯНОВ — Антоний («Антоний и Клеопатра»).

Фото В. Долганова